

Российские вести

Четверг, 3 августа

1995. - с. 7.

ИМЕНА

«ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ...»

Заметки о творческом вечере Евгения Евтушенко

Имя Евгения Евтушенко давно уже вошло в славную летопись российской поэзии, да и память народная - не вода. Казалось бы, что еще не известно о бра-
вых поэтах-шестидесятиниках, глашатаях хрупкой свободы, внезапно ворвавшейся тогда в форточки наших утлых домов, а вот поди же ты - какая-то неосы-
заемая свежесть и потаенная новизна при одном лишь воспо-
минании о той чудесной отте-
пельной поре все же присут-
ствует. Или только жгучая ностальгия по ушедшей юности да
праздное любопытство приве-
ли сотни уже хлебнувших на
своем веку горя людей в малю-
сенький зал Политехнического
музея на встречу с Ним, тем
самым, любимым, желанным,
многожды воспетым, хотя, на-
верно, уже и не тем - не совсем
молодым, без той сумасшед-
шинки в глазах, зато совсем уж
не бедным... Не думаю, что толь-
ко тоска по былому всему при-
чиной. Талант всегда останется
талантом, и по своей природе
он всегда нов, а значит, притя-
гателен.

Евтушенко в шестьдесят второй
раз отмечал свой день рожде-
ния. Один из подарков он пре-
поднес себе сам, а заодно и нам.
Это роскошно изданная антоло-
гия русской поэзии двадцатого
столетия «Строфы века», редак-
тором которой он был, а также
тетрадь новых стихов поэта «Поз-
дние слезы», увидевшая свет
благодаря собственным вложе-
ниям автора.

Первое отделение вечера было
посвящено нашим великим клас-
сикам. В пламенно-вдохновен-
ной интерпретации именинника
звучали знаменитые нетленные
строки Блока, Маяковского, Ах-
матовой, Гумилева, Мандельшта-
ма, Волошина, Цветаевой, Высо-
цкого... Не забыты были и неко-
торые современные талантливые
молодые поэты, с чьим творчес-
ством можно познакомиться в вы-
шедшей антологии, и, конечно,
живой классик нашей поэзии -
несравненная Белла Ахмадули-
на. Зал ликовал. Может, кому не

понравилось евтушенковское
прочтение некоторых всеми лю-
бимых строф, но неподдельная
искренность и сценическая заду-
шевность чтеца не могли не под-
купать. К тому же таким образом
проявляется еще одна великая
вещь - духовная преемственность
поколений русских поэтов. Евту-
шенко знает, чьей он «силы час-
тица».

Во втором отделении читались
собственные новые стихи. Есте-
ственно, даже не зная, кому
принадлежит авторство этих
строк, понимаешь, что это не Гу-
милев, не Волошин и не Пастер-
нак. Тревожит и угнетает откро-
венно политический пафос мно-
гих из этих сочинений. Помнит-
ся, поэт неоднократно заверял
своих почитателей, что не будет
воросить праха почивших в бозе
вождей, к чему-де пинать мерт-
вых собак... Однако и в послед-
них стихах Евтушенко вполне
ощущаем тот неукротимый,
смердно-залихватский азарт све-
дения счетов с усопшими: Ста-
лин, Брежнев, Андропов - так и
видится это остервенелое ляга-
ние. Неужели с таким тяжелен-
ным камнем на шее да - в двад-
цать первый век, в третье тыся-
челетие? Нам тогда никогда не
подняться. Гражданский порыв
поэта, конечно, понятен и даже
по-своему прекрасен, но в худ-
ожнически более оправданном,
не столь прямолинейном выра-
жении.

При всем при этом, однако,
Евтушенко остается Евтушенко.
Его стихи по-прежнему экспрес-
сивны, остры, иногда остроум-
ны, порой с небанальным строе-
нием строфы - в техническом
плане они безукоризненны. Се-
годня, в эпоху повального риф-
моплетства и виршесозидания,
профессионализм дорого стоит.

И, конечно, нельзя не сказать о
новых проникновенных стихах
поэта о любви. После тяжеловес-
ной правдоискательско-полити-
ческой лирики они отзывались в
душе сладостным благоуханием
давних роз и светлыми воспоми-
наниями о личном, пережитом.
Такие стихи всегда находят горя-

чий отклик в сердцах слушателей
- тема эта неисчерпаемая, благо-
датная и, что самое главное, всег-
да современная и своевремен-
ная. Вспомним Евтушенко давне-
го. Сколько нежности и фило-
софского трепета в этих, каза-
лось бы, таких безыскусных стро-
ках:

*Когда взойшло твое лицо
Над жизнью скомканной моею,
Вначале понял я лишь то,
Как скудно все, что я имею.
Но рощи, реки и моря
Оно особо осветило
И в краски мира посвятило
Непосвященного меня.*

Сегодняшняя любовная лири-
ка поэта, к счастью поэтоманов,
не растеряла былой непосред-
ственности, искренности и чис-
тоты.

Но неужели эти простые и столь
ценимые человеческие качества
остались только в стихах? Неужели
большой поэт отрекся от них в
своей обыденной, закулисной
жизни? Чем же тогда объяснить
странное нежелание Евгения
Александровича подарить не-
сколько автографов своим пре-
данным поклонникам и поклон-
ницам, причем далеко не юного
возраста, тратящим порой весь-
ма немалые средства на приоб-
ретение новых книг своего ку-
мира, при этом во многом себе
отказывая... Едва закончился ве-
чер, как Евтушенко молниенос-
но скрылся в кулисах, а на пути
семенящих за своим любимцем
с книжками и блокнотами ста-
рушек выросли вдруг доблест-
ные крепыши из службы охра-
ны. Спустя двадцать минут сво-
бодолюбивый поэт, сменивший
за это время выдавшую виды
черную куртку, в которой пре-
бывал на сцене, на свершни-
карный выходной пиджак, в со-
провождении телохранителей
гордо проследовал в направле-
нии банкетного зала, не заме-
чая вокруг ничего и никого. Пуб-
лика была немало шокирована,
об автографах тут же забыли.
Неужели обуржуазился - вопро-
шали... Впечатление от вечера
было явно смазано.

Сергей СОСЕДОВ.